

Очерки русской литературы

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 -- январь 1840.

Ред. Н. К. Гей. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примеч. В. Г. Березиной. М., "Художественная литература", 1977.

[OCR Бычков М. Н.](#)

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сочинение Николая Полевого.

1839. Санкт-Петербург. В тип. Сахарова. Две части.

В 8-ю д. л. В 1-й части XLIII и 456, во II-й -- 510 стр.

Г-н Полевой не поэт и не ученый, но писатель и литератор, и притом замечательный в полном значении этого слова. С лишком двадцать лет действовал он на литературном поприще, и участие его в литературе было чувствуемо, видимо и даже богато результатами, которые имеют вид большей или меньшей заслуги ¹. Теперь поприще его почти кончено: он сам говорит это в предисловии к своим "Очеркам" (стр. XIV) ². Продолжая действовать вновь и часто *новым* и *особенным* против прежнего образом, он, однако, отстал от нового поколения. Следовательно, для него настало время суда и оценки, словом -- сознания.

Ничего нет труднее, как судить о произведениях писателя, разбросанных по журналам или появлявшихся в разъединенных изданиях, поштучно: только полное собрание их дает возможность обозреть деятельность писателя в ее общности и совокупности и произнести ей суждение, под влиянием полного и целостного впечатления. Сам г. Полевой понял это,-- и, сознавая конец своего поприща, предпринял издание своих критических статей, рассеянных по "Телеграфу", "Библиотеке для чтения" и "Сыну отечества". Его предупредительность в этом отношении так велика, что он даже озаботился познакомить публику с своею частною жизнью и произнести себе полную оценку. "В романе, в драме, в истории, критике я всегда был один и тот же (говорит он в предисловии). *Мечтатель* в повести, *беспристрастный исследователь* в истории, иногда строгий критик *чужого* произведения, я ошибался и думал, может быть, неверно, но никогда не изменял добру, и никогда не подымалась рука моя сорвать венок с заслуг, никогда голос мой не возвышался против дарования истинного" (стр. XIII) ³. Всему этому мы охотно верим -- и как не верить, когда нас уверяет в этом сам г. Полевой, который себя знает лучше других? -- Но мы в то же время думаем, что суд о себе принадлежит другим, а не самому себе и что подобные уверения очень похожи на оправдания в вине, в которой нас никто не уличал. Особенно интересны и умилительны уверения г. Полевого в чистоте его души и незлобии сердца -- в том, что ему всегда были чужды низкие чувства, каковы зависть, противоречие с своим убеждением; что это подтвердят втайне самые враги его; что многие из бывших его врагами, узнав его покороче, крепко жали ему руку и делались его искренними друзьями, и пр. и пр. (стр. IX). И этому всему мы охотно верим -- из вежливости; но все это приятнее было бы нам услышать о г. Полевом от кого-нибудь другого, чем от него самого. Не говоря о том, что суд о самом себе не всегда бывает чужд пристрастия,-- законы приличия запрещают занимать публичное внимание своею особою, а тем более похвалами ей... В одном месте предисловия откровенность г. Полевого перед публикою дошла до того, что он признался ей по секрету, что, простив всем своим врагам, никак не мог простить *четверых*... (стр. XI). Что сказать обо всем этом? Гете без зазрения совести говорил о себе, как о гении,-- и все верили ему, слушали его с благоговением. Та же история была и с Суворовым... Позвольте, позвольте!.. Вспоминаем... В IV No "Сына отечества" за прошедший год было напечатано умилительное и дружеское послание г. Полевого к г. Булгарину⁴, в котором г. Полевой говорит о себе, между прочим, следующее: "Великий Гете говорил, помнится,